

Липич Т.И., д-р филос. наук, доц.,
Белозерских С.Н., аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ФЕНОМЕН СТАРОСТИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

belozerskih09@yandex.ru

Статья посвящена анализу феномена старости и специфике его осмысления с точки зрения православного учения, раскрытию содержания и значения данного возрастного периода в жизни православного человека.

Ключевые слова: старость, старение, православие, христианство.

В каждой новой системе социокультурных ценностей складывается свой образ старости, который становится важным жизнерегулирующим фактором нескольких поколений. Исследование древнеславянского, а затем христианского (представленного православием) образов старости показывает, что они по-прежнему оказывают существенное влияние на формирование парадигм старости в современной России. При этом если древнеславянский образ старости представлял собой сложную и амбивалентную ценностную категорию, связанную с мудростью и изменением системы ценностей, которой человек был привержен в юности, то с приходом христианства произошло закрепление однозначно высокого ценностного статуса старости в обществе, образ которой перестал быть безличностным и обрел личностное измерение. Христианское мировидение открыло в ней символику противоречия вечного в преходящем и преходящего в вечном, сосредоточив в ней все величие приуготовления к свершению плана неизреченной мудрости [1]. Христианство поместило старость в духовное пространство веры, облачив ее в символику формулы Священного Писания: «Венец стариков – сыновья сыновей, и слава детей – родители их» (Притч. 17, 6).

Таким образом, специфика отношения к человеческой старости, привнесенного православием в нашу культуру, заключается в поддержании ее высокого ценностного статуса в обществе. Более того, по мнению Н.А. Рыбаковой, православная ветвь христианства, исповедующая путь синергии, сотрудничества человека и Бога, в целом, представляет собой ориентацию на старое и на старость как Божественную полноту бытия, у которой нет недостатков, что в полной мере относится и к немощам старческого возраста и к одиночеству, сопровождающему его. Немощи посылаются человеку для того, чтобы в нем ослабла склонность к расслабляющим душу удовольствиям, чтобы он сосредоточил внимание на своей душе и искал удовольствия в ее общении с Богом. Даже самая трагичная утрата в итоге оборачивается ценным приобретением, так как может без любых логи-

ческих убеждений и доказательств привести атеиста к Богу, а верующего к смирению – одной из величайших добродетелей. Одиночество же рассматривается как присущее человеческой природе состояние, которое является естественным и обязательным для развития, чрезвычайно «питательным» для души, поскольку только так, наедине с собой, человек может по-настоящему серьезно задуматься над вечными вопросами. Утверждается, что в такие минуты любой человек способен осознать дарованные ему свободу и право беседовать с Богом, почувствовать Его присутствие и в полной мере понять, что Он, находясь все время рядом, никогда не покидал его [2].

Поскольку, с православной точки зрения, старость предусмотрена в проекте Создателя, постольку она имеет свое особое предназначение и, следовательно, не может представлять собой простой тягостный придаток предыдущих жизненных этапов. Она рассматривается как благословение или милость Божия не только для благочестивых и добродетельных, но и для равнодушных к своему спасению [3]. Если первым эта милость дается в награду за благочестие и добродетели, то вторым в поощрение к покаянию и исправлению.

В православии старость – это состояние человека, полное метафизического значения. Ее обыденное восприятие как слабости и упадка здесь оказывается перевернутым, и она приобретает значение духовного ориентира, который явственно свидетельствует о реальности вечности: «Старец представляет связь между происшествиями настоящими и будущими, он есть соединительная точка между вещами тленными и вечностью, и можно уверенно сказать, что одно время образует ум человеческий, равно как оно же произрастает его плоды, которые вкусны бывают только в совершенной зрелости», – пишет Платон, митрополит Московский [4]. Здесь преодолевается языческая однозначность социального приоритета молодых людей, совершающих дела, которые не под силу старикам. Напротив, последние наделяются своими особыми функциями и ролями, прерогатива выпол-

нять которые принадлежит только им: «Бог дает заветы человеку, а старшие, передавая младшим, наполняют их опытом сердца, испытанием собственного духа» [5]. Таким образом, мудрость стариков оказывается не менее значимой, чем сила молодости: «Слава юношей – сила их, а украшение стариков – седина» (Притч. 20, 29). Слово «седина» здесь выступает в качестве синонима разума и мудрости.

С точки зрения православной этики, человек сотворен Богом, чтобы прожить все фазы жизни, которую условно можно разделить на две половины:

– первую, которая главным образом ориентирована на выполнение функций, связанных с природой и телесностью. Она протекает преимущественно на работе, с друзьями. Другими словами, на этом этапе человек в основном направлен на общение с внешним миром;

– вторую, развивающуюся непосредственно в душе без чьей-либо активной помощи; ее цель – созидание внутреннего человека, неповторимой личности, что гораздо труднее, чем выполнить задачи предыдущего жизненного этапа.

Старость наступает именно во второй половине жизни, когда задачи плоти уже реализованы и наступает качественно иной этап созревания личности, поиска истины, формирования убеждений и утверждения собственной идентичности. Поэтому, старость, согласно библейским текстам, определяется не иначе как зрелость, как исчерпанность меры человеческой жизни, данной человеку Богом, а состоявшаяся жизнь обозначается словами «престарелый и насыщенный жизнью» (например, Быт 25.8; Быт 35.29; 1 Пар 23.1).

Однако, поскольку в жизни человека сочетаются телесное и духовное, постольку мы можем говорить о «плотской» и «духовной» старости. Отличие этих двух типов заключается в том, что плотская старость, если преждевременно не прервется жизнь, «наступит как бы сама собой», это лишь дело времени. Старость духовная предполагает усилие человека, к ней нет жестко детерминированного поступательного движения. Она не зависит от хронологического времени и реального, то есть явно физиологически выраженного возраста старости, хотя и требует определенной возрастной меры, как нельзя, например, быть старцем в детском возрасте [5]. То есть в телесной жизни человек достигает старости «по уставу естества». Дело же духовного возрастания Бог предоставил свободному произволению человека через труд и подвиг.

Очевидно, между этими типами старости существует определенное противоречие, опирающееся на утверждение: «Плот желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся...» (Гал. 5, 17). Но его нельзя абсолютизировать, так как онтологическое выпадение или изъятие одного из элементов означает разрушение и отрицание целостности человеческой природы. Кроме того, по апостолу, «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16). Утрата телесной свободы дарует иную свободу – независимость, самостоятельность мышления, позволяющую человеку оставаться непоколебимым в своих нравственных убеждениях несмотря на окружение, в котором он находится. Также немощь помогает понять чужую боль, учит ценить внимание и заботу, всякое добро и снисхождение.

Старость как завершающий этап человеческой жизни отождествляется в библейских текстах с понятием «преклонных лет», ключевым в значении которого является акцент на преклонении перед законом смерти: «Войдешь во гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время» (Иов 5, 26). То есть в старости смерть перестает быть абстрактным понятием (в этом качестве она свойственна молодости) и становится внутренним переживанием, внутренним знанием, которое приходит постепенно не извне, а изнутри. При этом в православии как бы исподволь виднеется антиномичность старости и смерти. Мы обнаруживаем, что на поверхности жизни старость представляется полнотой воплощенного в делах и чувствах времени, она есть нечто состоявшееся, определившее себя в этой жизни многими определениями, нечто, имеющее «социальный вес». Смерть же, во взгляде с той же поверхности жизни, есть уничтожение всякой полноты, всякого «веса», всякого значения [5]. Ее предтечами являются немощи старческого возраста, с помощью которых Господь громко напоминает человеку о близости смерти и о приготовлении к исходу в вечность.

Итак, именно в старости в полной мере достигается то самое смирение, к которому призывает православное учение. «Свое время и свое состояние планирую уже не сам... Возраст властно вошел в мою жизнь и учит меня полностью послушанию его повелениям», – пишет архимандрит Иоанн (Крестьянкин) [2]. «Нет ничего сильнее старости», – утверждает свт. Григорий Богослов [6]. Старость смиряет. И это, как считают православные богословы, ее главный подвиг.

В связи с этим старость православного христианина представляет собой период времени, предназначенный для того, чтобы умиротвориться, успокоиться и без сожаления, осознанно уйти к Господу, очищая и облагораживая свою душу. Это время особой тишины, время излечения недугов человеческой души, подготовки к переходу в новую жизнь, начинающуюся после смерти, что в очередной раз подтверждает мысль о том, что старость – отнюдь не злая и неотвратимая участь. Она предназначена человеку промыслительно, у нее есть весомые преимущества перед другими возрастными периодами жизни человека: принятие естественного течения жизни, обретение покоя и безмятежности, преуспевание в добродетельной жизни, опытность, благоразумие. Если правильно относиться к своему старению, то этот период жизни становится завершающим периодом для воспитания характера и обогащения личности перед отходом души в Вечность.

Другая важная задача старости состоит в том, чтобы познать великую цель жизни, научиться любить: «Отошли в прошлое суетные заботы, иссякла энергия плоти, сведено до минимума общение с людьми, пора обратиться к смыслу бытия и уразуметь Истину... этот крест нести с достоинством, борясь с безнадежьем, каждую новую боль принимая как повод для благодушного терпения, то есть терпения без стенаний и ропота, и радоваться избавлению от мира, от потопления в повседневности, когда, наконец, можешь, не отвлекаемый пустяками, лучше понять себя и сосредоточиться на главном» [2]. Иначе говоря, старость специально предназначена для покоя и созерцания, а самое большое ее преимущество состоит в духовной свободе, вместе с которой приходит безразличие ко многим вещам, казавшимся важными в предыдущие годы. С возрастом человек, все больше углубляясь внутрь себя, утверждает на позициях вечности.

Отсюда естественным образом вытекает библейское: «В старцах – мудрость, и в долголетних – разум» (Иов. 12:12). Следовательно, плод старости – мудрость. Почему? Потому что к старости человек обогащается не только знаниями, но и жизненным опытом. Мудрость, присущая старости, – благоразумие, то есть умение или искусство пользоваться жизнью ко благу собственному и своих близких и во славу Божию. Укрепленное годами оно имеет преимущество перед скороспелым благоразумием юноши, поскольку жить благоразумно учит сама жизнь. Однако в Библии есть и прямые предостережения от чрезмерной переоценки значимости жизненного опыта. Таким образом, хотя в

библейских текстах понятие «разум» и употребляется наряду с понятием «мудрость», тем не менее, они не тождественны: мудрость предполагает разум, но не исчерпывается им. Разум развивается через обучение и приобретается в опыте жизни. Мудрость же человек еще должен снискать, она нисходит на него из своего Первоисточника. Об этом не следует забывать и еще смолоду исполнять Его повеления, ведь именно праведнику Господь дарует вместе с приходом преклонных лет великую духовную силу и истинную мудрость.

Следовательно, старость – это мера духовного совершенства человека, «ибо не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь – возраст старости» (Прем. 4, 8, 9). Поэтому душевный покой в старости или, наоборот, отчаяние – лишь результат соответствующим образом прожитых молодости и зрелости. Тихая и легкая старость ожидает лишь тех, кто жил праведно. Иначе говоря, благое долголетие выводится в первую очередь из нравственного поведения человека, а отнюдь не из правильных режимов питания и двигательной активности. Так, согласно Библии, первые люди жили не менее 900 лет. С накоплением в человечестве греха продолжительность жизни постепенно приблизилась к современной. Поэтому скорость старения, согласно православному учению, зависит от того, как люди мыслят и, соответственно, поступают.

Помимо всего прочего для православного христианина старость – это не просто один из этапов земной жизни человека. Для него она, прежде всего, представляет собой некий результат, меру достижения цели земной жизни, ее венец [7]. Это время подведения итогов прожитых лет, время осмысления пройденного пути, принятия его каким бы он ни был, без прикрас и оправданий, с осознанием своей личной ответственности за такое его состояние. Другими словами, старость есть ни что иное как последний шанс взглянуть на себя критически и добиться внутренней устойчивости. Именно в этом возрасте происходит, наконец, сочетание богатства внутреннего мира с жизненным опытом, что обеспечивает возможность взвешенного рассуждения о сложных и важных вопросах смысла не только собственного бытия, но и бытия других людей, а иногда и всего человечества в целом. Однако на этом духовная работа для пожилого человека не заканчивается, поскольку «в старости Господь даёт время приостановиться, оглянуться, задуматься, принести плоды покаяния, передать духовный опыт молодым,

наставить их на путь истины, дать им хороший пример своей жизни...» [8].

Следовательно, с точки зрения православной этики, в старости вместе с возможностью анализировать прожитые годы яснее открываются милость и любовь Божия, исповедуются былые ошибки, видение которых острее, чем в молодости. В связи с этим происходит лучшее познание и себя и Господа и как следствие приходит ясное осознание, что получаемые физические и духовные силы, – от Господа, желание трудиться для Бога, передавать другим накопленное духовное богатство. Как результат в человеке развивается благодарность за каждый новый прожитый день и час.

Кроме того в православной литературе неоднократно указывается еще одно преимущество старости перед другими возрастными периодами жизни: человек не только видит, кто он есть на самом деле, но и, наконец, может быть самим собой. Это становится возможным в результате того, что вольно или невольно происходит снижение значимости обеспечения соответствия проживаемой жизни общепринятым правилам и стандартам. Перспектив уже нет, поэтому нет и необходимости с кем-то соревноваться, что-то доказывать окружающим, кем-то казаться. Человек, наконец, может действительно в полной мере воспользоваться предоставленным ему временем, чтобы употребить его на исполнение задуманного, самовыражение, занятие любимым делом.

Таким образом, в старости для человека после многих дней труда, наступает «суббота покоя» – покоя от многих житейских забот, от страстей, которые зачастую к этому времени смиряются. Но здесь не может быть места праздности, поскольку она может стать отправной точкой любого греха. Поэтому уделом пожилого человека должна быть молитва и милостыня. Отсюда вытекает и соответствующая рекомендация пожилым людям посвятить остаток дней молитвенному ходатайству не только за себя, но и за своих близких, за весь мир [3]. Благодаря этому старость работает не только на личность, которая уже приблизилась к итогу своей жизни, она работает и на всех окружающих.

Еще одним проявлением высокой социально-этической оценки старости в православии выступает феномен старчества, который связан с духовным руководством со стороны опытного в аскетической практике старца новоначальным монахом или другими, менее опытными в делах веры людьми. Независимо от иерархического чина в структуре церкви старчеству негласно отводится самое высокое место, подразумеваю-

щее духовное совершенство. Конечно, сущность этого феномена выходит далеко за границы обыденных представлений о старости и старении. Однако почитание старцев Церковью, несомненно, указывает на значимую социальную роль и нравственную ценность старости и пожилых людей в структуре общества.

Нравственные нормы православного учения сдерживают и тенденцию отчуждения детей от престарелых родителей, отношения которых регулируются на основе пятой заповеди библейского Декалога: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 20, 12). Причем почитание родителей включает в себя многое, в том числе и долготерпеливую заботу о них в их болезнях и немощах, служение самым близким людям. Подобные тяготы забот о людях так же следует понимать как дар: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). Наконец, в православии, опирающемся на ветхозаветные традиции, в целом резко осуждается пренебрежительное и неуважительное отношение к старикам. Библия называет подобное отношение наглостью, признаком строптивости и развращенности: «Народ наглый, который не уважит старца» (Втор. 25, 50). Есть и прямые указания о почитании пожилых людей: «Пред лицом седого вставай и почитай лице старца» (Лев. 19, 32). Для библейского сознания очевидна важная роль пожилых людей, необходимость проявления уважения к их сединам: без мудрости, которая хранится и передается стариками, обществу не выжить.

Таким образом, с точки зрения православия старость значима как в личностном, так и социальном плане. Для православного христианина это, прежде всего, особая милость, величайший дар Божий, к которому следует относиться с благоговением. Поддержание такого высокого ценностного статуса старости может быть объяснено сразу несколькими причинами. Во-первых, согласно православному учению, старость дается человеку как время для умиротворения и подготовки к осознанному переходу в новую жизнь, начинающуюся после смерти. Но это отнюдь не время страха и ожидания смерти, а время приготовления к встрече с Господом, возможность тесного соприкосновения с вечностью. Во-вторых, в силу накопленного опыта в этот период к человеку приходит более глубокое видение мира, а вместе с ним и лучшее понимание и себя и Господа, яснее открываются милость и любовь Божия. Пожилой человек делится полученным знанием с ближними и тем са-

мым способствует развитию и благополучию всего общества, обеспечивает его нравственную ориентацию. В-третьих, в старости человеку предоставляется не только исключительная возможность проанализировать прожитую жизнь, подвести ее итоги, исповедать былые ошибки, но и последний шанс на исполнение задуманного, самовыражение. Человек, наконец, может себе позволить быть самим собой. Кроме того, выражаясь словами С.А. Лишаева, если есть возраст, благоприятствующий богоборчеству, – отрочество, юность, то есть и возраст, располагающий к вере, – старость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рыбакова Н.А. Феномен старости. Москва-Псков: Изд-во ПОИПКРО, 2000. 169 с.
2. Игуменья Феофила (Лепешинская). Рифмуется с радостью: размышления о старости. М.: Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ г. Москвы, 2012. 256 с.
3. Старость – дар Божий: слова утешения и наставления учителей церкви пожилым прихожанам православного храма / сост. монах Лазарь. М.: Русский хронограф, 2000. 95 с.
4. Силуянова И. Нет ничего сильнее старости [Электронный ресурс] // Интернет-журнал Сретенского монастыря. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/society/starost.htm> (дата обращения: 23.06.2014).
5. Рыбакова Н.А. Проблема старости в европейской философии: от античности до современности. СПб.: Алетейя, 2006. 288 с.
6. Коскелло, А. На пороге вечности // Вода живая. 2010. № 8. С. 28-32.
7. Боцман Р. Духовные проблемы пожилых людей // Проблемы старости: духовные, медицинские и социальные аспекты. М.: Свято-Дмитриевское училище сестер милосердия, 2003. С. 53-92.
8. Оплетин Н. Старость – милость Божия // Алтайская Миссия. 2010. № 10. С. 22-23.
9. Ринкер Ф., Майер Г. Библийская Энциклопедия Брокгауза. М.: Христианское книжное издательство, 1999. 1088 с.
10. Лишаев С.А. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. СПб.: Алетейя, 2010. 208 с.